

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 130.2:173.5

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-192-202

EDN PNBXBA

Письма отцов и детей как опыт связи поколений в российской культурной традиции

Бакшутова Е.В.

Самарский государственный институт культуры
Россия, 443010, г. Самара, ул. Фрунзе, д. 167
bakshutova.ev@samgik.ru

Аннотация. Более привычно в отношении отцов и детей говорить о конфликте и противостоянии. Да, и это тоже справедливо. Но, возможно, что в нашей культурной традиции мы можем обнаружить что-то помимо конфликтов – сближение, доверие, попытки донести свои мысли и чувства? Сегодня мы обнаруживаем себя в уникальной поколенческой системе отношений. У нас очень многофункциональная страта «старших» поколений, которая вмещает в себя одновременно и мам и бабушек (и чуть меньше пап, и еще меньше – дедушек). Именно им мы благодарны не только за жизнь, но и за культуру, технологии, материальные и духовные ценности, которые предлагаются в пользование «младшим». Именно предлагаются, а не осваиваются совместно в деятельности. Изобилие возможностей, не обусловленных потребностями, породило уникальный культурный кризис, разрыв поколений, причина которого многим видится в технологиях. Так ли это, и есть ли возможность преодоления ценностного разрыва? Есть ли опыт у старших, и тех поколений, которые еще старше и уже ушли, и стали историей? Преодоление кризиса требует в первую очередь не просто решений и действий, а осмысления, философской рефлексии того, что мы называем традиционными ценностями, и путей их подлинной передачи, осмысленного освоения и актуализации в повседневных практиках. Один из способов сохранения межпоколенческих связей мы увидели в переписке родителей (преимущественно отцов) со своими детьми. Знаменитых отцов, имена которых сохранила история, но подобная переписка столетиями была именно обычным делом, подлинно культурной практикой передачи житейской мудрости.

Ключевые слова: человек, отец, семья, сын, дочь, письма, переписка, ценности

Для цитирования: Бакшутова Е.В. 2026. Письма отцов и детей как опыт связи поколений в российской культурной традиции. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 192–202. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-192-202 EDN: PNBXBA

Father-Child Correspondence as an Experience of Connection between Generations in the Russian Cultural Tradition

Ekaterina V. Bakshutova

Samara State Institute of Culture
167 Frunze St., Samara 443010, Russian Federation
bakshutova.ev@samgik.ru

Abstract. The idea of confrontation between parents and children is embedded in myths. At present, though, the relationship between generations tend to acquire new features. Gerontocracy has become a

political and educational issue, while in everyday life we face a very powerful multifunctional stratum of older generations, which includes mothers and grandmothers, slightly fewer fathers, and even fewer grandfathers. The older generations gave life to the younger ones, created culture, technologies, material and spiritual values, which are offered for use to the young. They are offered, instead of being mastered in the course of joint activity. The abundance of opportunities not conditioned by needs has given rise to a unique cultural crisis, the generation gap, which is believed to result from technology. Is this true, and is it possible to overcome the value gap? In the author's opinion, the problem consists not only in broken communications, but also in questioned humanity, since technologies are beginning to replace people and the relationships between them. Do the elders and previous generations have any experience? Overcoming the crisis requires, first of all, not just decisions and actions, but comprehension, philosophical reflection on what we call traditional values and ways of their genuine transmission, meaningful assimilation and actualization in everyday practices. One of the ways of preserving/returning/cultivating intergenerational connections may be found in the correspondence between parents (mostly fathers) and their children. These are famous fathers, whose names have been preserved by history. For centuries, such correspondence has been a common thing, a truly cultural practice of sharing worldly wisdom.

Keywords: man, father, family, son, daughter, letters, correspondence, values

For citation: Bakshutova E.V. 2026. Father-Child Correspondence as an Experience of Connection between Generations in the Russian Cultural Tradition. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 192–202 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-192-202 EDN: PNBXBA

Актуальность проблематики данного исследования проявляется рядом обстоятельств.

Во-первых, это тема традиционных ценностей, которая не нова для общественного дискурса, она актуализировалась с самого начала текущего века, пока не закрепились нормативно. Но каждая из названных семнадцати традиционных ценностей требует обсуждения, поскольку Указ президента не дает пояснений, в каком историческом периоде, в каком контексте и специфическом проявлении укоренена та или иная ценность. Наиболее близка и понятна каждому ценность семьи, но именно семья, обеспечивающая устойчивость и личности и общества, в современном мире оказалась в наиболее турбулентном состоянии. Беспокойство за судьбу семьи как социального института делает ее важнейшим предметом философско-антропологического анализа, поскольку вызывает опасения, что поиск ответа на классический вопрос европейской культуры и философии «что есть человек?» вскоре некому будет задавать, так как перестает воспроизводиться не только семья, но и сам потенциальный вопрошающий. Тем самым под угрозой субъект познания, кодирования и декодирования знаков и символов.

Во-вторых, связанная с проблематикой семьи всеобщая растерянность по поводу «цветов жизни» – детей, которые ежедневно слышат, что с ними «что-то не так». Претензий к современным детям и молодежи много: они не собраны, безответственны, ничем не интересуются, не умеют общаться и тому подобное. Складывается впечатление, что дети эти появились как бы из ниоткуда, их не воспитывали их взрослые, которые так умны и исполнены благодати. Ответственность за «что-то не так» и «что есть человек» возложили на самих детей, что в корне противоречит идее сохранения и передачи традиционных ценностей, поскольку последнее предполагает преемственность, а на деле мы перескакиваем через несколько поколений, выхватывая из разных сегментов прошлое, не актуализированное непосредственно современными взрослыми. И в этом случае субъект бытия так же под угрозой, поскольку познание никак не связано с опытом, знаки не означивают ни воображаемое, ни символическое, ни тем более реальное. Меньше всего хотелось бы относить человека, семью, ценности к симулякрам, но согласимся с

Н.Н. Ростовый в том, что русле постгуманистической парадигмы мышления «сам вопрос о человеке обесмысливается и становится неправомерным, ибо предъявленная модель мира лишается онтологических границ, и человек оказывается меньшинством наряду с прочими меньшинствами в контексте общего целого» [Ростова, 2020, с. 93]. Как бы то ни было, кризис семьи сегодня в разных типах культур, а значит, противопоставление их ценностных систем уводит нас от целостного, философско-антропологического понимания проблемы.

Мы попробуем вернуться к опыту понятного – не в конкретный исторический период, а к конкретной человеческой практике – опыту диалога взрослого и ребенка, представленного в письмах отцов к своим детям. В отечественной культуре сложилась традиция рассматривать семью не только как социальный и репродуктивный институт (как в европейской культуре), сколько как условие и необходимость духовного совершенствования супругов [Дмитрийчук, 2018, с. 14]. Еще одна особенность русской философии в отношении гендерной маркировки культуры и истории – определение сущностных характеристик России как женских, женственных. В.В. Розанов, обосновывая свое понимание России как «женщины, вечно ищущей жениха, главу и мужа», отмечает в русских «свойство отдаваться беззаветно чужим влияниям», «женственную уступчивость и мягкость» (цит. по: [Рябов, 2001, с. 223]). Так ли это? Мы обратимся именно к российской библиотеке наставлений, писем, посланий старших к младшим, поскольку наставления Конфуция или Вольтера весьма интересны, но они не проживаются в нашем культурном опыте как рассказы о наших собственных приключениях. И это будут именно письма отцов, написанные своим детям – сыновьям и дочерям. Не абстрактным потомкам, а конкретным, родным детям передается не просто вектор социализации, но и опыт проживания «здесь и теперь» в разнообразных материальных, бытовых, больших и малых делах, а также то, что служит собственно духовным наставлением, причастности к бесконечности, к целому.

Интересно, что в основном авторы педагогических сочинений, известных нам, обращаются к своему воображаемому читателю – воспитателю, педагогу, родителю. Но, начиная со слов в древнеегипетском папирусе: «Дитя несет ухо на своей спине, нужно бить его, чтобы он услышал» [Джурицкий, 1999, с. 26], ребенок предстает в третьем лице как объект педагогического воздействия и никогда как субъект. Мы не встречаем текстов, которые обращались бы к самим детям, превращая их из объекта в субъект воспитательной и образовательной деятельности, как сейчас принято говорить.

Новорожденный не умеет читать, скажем мы, и для него сотни поколений придумывали и придумывают сказки, которые рассказывают (или читают) родители, бабушки и дедушки, няни. Воспитание, обучение и инкультурация реализовывались через быт, труд и нарратив. Так продолжалось до тех пор, пока человеческий ум работал в обыденном режиме, до появления письменной культуры, а далее – науки, в том числе и педагогической. В последних самих по себе нет ничего плохого, но научная деонтология всегда провоцирует разделение, поскольку проверяет реальность в дихотомиях «истинного – ложного, реального – нереального, существующего – несуществующего» [Шкурагов, 1997, с. 163]. А человеку, входящему в культуру, человеческое общество, в первую очередь необходимо нормативное согласование с культурой, изначальная целостность.

Сказки для детей создаются и сегодня, и они любимы детьми и взрослыми не менее, чем народные; вслед за Л.Н. Толстым написаны и специальные педагогические тексты для детей или, например, «байки для детских психологов». На наш взгляд, очень хорошим примером педагогических посланий, обращенных к детям, молодежи, к людям вообще – служат письма, написанные разными людьми своим детям. Для самих адресатов они бесценны, поскольку сохраняют для них частицу личности родителей, укореняют их вместе с ними в общем поле идентичности, даже если при жизни отношения эти не были

гладкими. Письмо формально не всегда нарратив как последовательное повествование, в письмо включаются и другие типы речи (описание, рассуждение), но письмо – это нарратив как рассказывание, представление момента жизненной истории такой, какой ее видит автор. Анализируя идею Дж. Брунера о нарративе, В.А. Шкуратов отмечает: «Европейская мысль последнего века по-разному сводила современное и архаичное, индивидуальное и коллективное, сознательное и бессознательное, рациональное и аффективное. У Брунера указан весьма точный адрес для исследователей указанных загадок. Это – нарративность, возведенная в трансвременной феномен. Нарратив расширяется до синонима всей символической культуры, по крайней мере, до мимезиса, равномошному логосу» [Шкуратов, 1997, с. 166]. Нарратологическая методология критикуется в первую очередь «за отсутствие связи между биографическим повествованием и социальным миром» [Тищенко, 2016], а Ф.Р. Анкерсмит приходит к выводу, что нарративный подход неприменим к историческому опыту, так как любой нарратив – это самодостаточная реальность, никак не связанная с исторической реальностью [Анкерсмит, 2009], однако социальный мир конструируется индивидами, присутствующими в истории, осуществляющими ее, и, в конечном итоге, конструирующими по своему усмотрению не только бессознательно, но и вполне осознанно в личных или государственных целях.

Нельзя обойти еще одну проблему, обуславливающую актуальность нашего исследования: для опосредования психических интенций мы сегодня используем другие технические средства. Переписка осталась, но из формы передачи, ориентированной на долгую длительность во всех аспектах этого не столько действия, сколько деятельности. Сам процесс письма мог быть долгим, не одномоментным, сопровождать и порождать раздумья, давало возможность взвешивать слова. Не случайно этот жанр использовали не только для личной переписки, но и с более глобальной перспективой и аудиториям – государственным мужам, потомкам («Письма спящему брату» А.С. Десницкого, в целом народу или народам (например, письма Вольтера и П.Я. Чаадаева), эти письма написаны амбициозными авторами для вечности. Зачастую пересылка и передача занимали время (как адресат, так и адресант могли даже умереть за это время, и авторы писем учитывали это, в частности, письма с фронта указывают на допущение авторами такого развития событий). Ну и чтение письма, если это не короткая записка – занимало время, сопровождалось раздумьями, и требовало времени для ответа.

Современная электронная переписка все так же используется для обмена информацией и эмоциональными оценками. Но если традиционный эпистолярный жанр, особенно личная переписка, содержит в себе элементы и устной и письменной речи, в том числе художественной, то электронные эпистолы (письменный текст) строятся по типу устной речи [Кронгауз, 2012], обмен ими осуществляется «здесь и теперь», не оставляя места для, на наш взгляд, главного – размышлений. Как будто бы скорость реакции в мессенджере – залог победы или выживания.

Письма, которые нам предстоит прочесть «разбросаны» чуть не на тысячу лет, но мы все еще их читаем, и может быть, «старая» этика не такая уж старая, просто мы с ней не справились?

Тексты писем, рассматриваемые в статье, можно разделить на две группы. Первая – собственно письма, личная переписка, авторы которой, возможно и рассчитывали на то, что написанное когда-либо будет прочитано не только адресатом, но и более широкой публикой (это Послание Владимира Мономаха, письмо С.С. Воронцова, письма Л.Н. Толстого и Г.С. Аксакова). Вторая – письма, нарочито написанные для публикации и обнародования (В.А. Сухомлинский, Е. Леонов). При анализе писем попробуем придерживаться того, что авторы пишут о себе; о контексте; о будущем; «полезные советы»; о долге – в отношении семьи, старших и младших, братьев и сестер, людей и

человечества в целом, в отношении родины, образования и своего дела. И с позиции современного родительства нас интересует проблематика сепарации, ответственности и т. п.

Самое старшее из писем – Поучение Владимира Мономаха (1053–1125) написано в конце жизни, «сидя на саях» (не ранее 1117 г.). О себе князь пишет – «худой», «грешный» [с. 33], «моего слабого ума представление» [Поучение, 1969, с. 35], о людях – «грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь» [Поучение, с. 34], о мире как о чуде, созданном Б-гом, в котором все прекрасно и ладно устроено [Поучение, с.34]. И в первую очередь завещает детям «страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра» [Поучение, с. 33]. Три добрых дела, которые обещают победу над врагами: покаяние, слезы и милостыня» [Поучение, с. 34]. «Ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость божью» [Поучение, с. 34]. Послание отсылает нас к заключительной части книги Иова, где тот восхваляет чудеса Творения, а дальше «моего собственного ума наставления»: «убогих не забывают». «ни правого, ни виновного не убивайте» (хотя сам воевал и охотился изрядно, конечно, Владимир, о чем пишет он сам как о дозволенном богом, который уберег его от смерти, от страшных ран и болезней); «не клянитесь богом», а если пришлось – «не преступайте», «гордости не имейте, «не ленитесь» – «леность ведь всему мать». Нельзя лениться «ни на что хорошее», и для нас особенно ценно: «что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран» [Поучение, с. 36]. Наставление учиться (в числе прочего хорошего) дает своему девятнадцатилетнему сыну и граф С.Р. Воронцов (1744–1832) при отъезде последнего на службу в Россию (1801). Живя за границей, он «стремился вырастить сына “настоящим русским”», как пишет М.И. Микешин [2023, с. 165], и добавим – настоящим взрослым, – чтобы тот смог приносить пользу своей стране, и отправляет сына на историческую родину, несмотря на болезненность разлуки: «Ведь ваше благополучие мне дороже, чем мое собственное удовольствие, ради которого я никогда бы не расставался с вами» [Воронцов, 2015, с. 165].

Рассуждая о том, что «соотечественники... вышли из “наиболее зверского рабства”, но не понимают, что значит быть свободными» [Воронцов, 2015, с. 166], а «каждая страна имеет свои нравы и обычаи, зависящие от климата, управления и образованности» [Воронцов, 2015, с. 167], изменить которые мы не в силах. С.Р. Воронцов советует своему сыну быть добродетельным и осторожным, внимательным и скромным в знакомствах и разговорах, проявляя решительность только в двух случаях: «берясь за всякое честное, добродетельное и милосердное дело и отказываясь решительно от какого-либо участия в деле бесчестном, если бы его вам предложили или хотели в него вовлечь; ведь честь – хороший государь, и лучше пожертвовать всем, чем ее потерять» [Воронцов, 2015, с. 167]. Отец дает своему сыну обычные наставления – учиться, изучать страну, держаться подальше от современной молодежи, которая жаждет только удовольствий, помнить, что «с чистой совестью и достойными друзьями вы всегда будете утешены в любых возможных несчастьях» [Воронцов, 2015, с. 169]. Делать добро «тому, кто честен и несчастен, ведь это невыразимое удовлетворение – иметь возможность сделать счастливыми и довольными тех, кто этого достойны» [Воронцов, 2015, с. 167].

Но особого внимания заслуживают пожелания следовать советам старших (он рекомендует сыну своих друзей): «пользуйтесь счастьем иметь такого руководителя, который столь глубоко мудр в делах внешних и внутренних, который обладает таким общепризнанным благоразумием и таким просвещенным разумом...» [Воронцов, 2015, с. 167], «они будут счастливы провести вас самым верным путем через лабиринты царского дворца и двора...», «он очень надежный друг...» [Воронцов, 2015, с.168], а также заботиться о сестре: «любите свою сестру, которая столь заслуживает дружбы и предана вам и сердцем, и душой» [Воронцов, 2015, с. 168]. Такое наблюдение –

в основном все письма написаны отцами, и написаны они сыновьям. Только что процитированное письмо – свидетельство того, что о дочерях говорят в третьем лице, как о существах, требующих просто заботы и любви, от которых никаких проявлений субъектности не ожидается.

Но все же исключения из такого эпистолярного обихода были. Во-первых, это Л.Н. Толстой (1828–1910), авторству которого принадлежит известных пока 8000 писем; писал он много и охотно, в том числе и незнакомым людям, обращавшимся с разными вопросами и проблемами. Л.Н. Толстой писал письма своим детям – сыновьям и дочерям (из восьми достигших взрослого возраста детей было две дочери), а также и разной другой молодежи. И весьма важно, что это не был монолог, а всегда разговор, беседа, ответ на письма. Складывается впечатление, что с детьми он был близок, они доверяли ему в самых разных своих не только житейских делах, но и в душевных (духовных) движениях, которые вполне соизмеримы с нашими. Письма с сыновьями опустим, они и душевны, и поучительны, очень искренни. Коснемся писем к дочерям, которым так редко пишут другие авторы. Вот он пишет 18 октября 1885 г. 21-летней дочери Т.Л. Толстой: «Для меня, например, важнее гораздо встать рано и отвыкнуть от табаку, чем исполнение всех моих внешних желаний, для тети Тани, от которой я получил письмо, где она говорит, что ей нужно денег, денег, денег, гораздо важнее не то, что отвыкнуть браниться, а раз удержаться от брани, чем получить Ротшильдово состояние, и последний пример на закуску, тебе важнее убрать свою комнату и сварить свой суп (хорошо бы коли бы ты это устроила – протискалась бы сквозь все, что мешает этому, особенно, мнение), чем хорошо или дурно выйти замуж. Мне очень страшно за тебя, за твою не слабость, а восприимчивость к зевоте и желал бы помочь тебе» [Толстой, 1934, с. 292]. На что дочь ответила, что суп сварить попробует. Послание как будто просто бытовое, но в нем ответ и на многие запросы сегодняшнего дня, когда рефреном из разных источников информации звучит призыв к саморазвитию и самосовершенствованию, и «кривая» обратная связь, которую получают уже педагоги и родители от подростков и молодежи, настаивающих на том, что цель их жизни – это саморазвитие. Хотя и современные родители тоже мечтают о саморазвитии, представляя его чем-то очень воздушным и очень далеким от того, чтобы «сварить свой суп».

И вот еще письмо заботливого отца очень сильно влюбленной дочери М.Л. Толстой (4 августа 1893 г.), письмо, продиктованное желанием уберечь близкую ему по духу дочку от обычных для юности ошибок: «Я между двух опасностей: повлиять на тебя так, чтобы произвести насилие над тобой, и – другое – не сказать то, что чувствую, не сказать вовремя нужное слово. Главное, что я так люблю тебя и так мне жалко тебя, особенно когда я вижу тебя, что не хочется, не могу огорчить тебя, стараюсь говорить по тебе, а ты иначе толкуешь мои слова и совсем иначе представляешь себе мое чувство. Я, не переставая, думаю и болею о тебе. Многое хотелось бы сказать, скажу одно: не верь себе. Я знаю, как это бывает при частом свидании: вдруг западет – не мысль, а соблазн – присосется и начнет расти, расти – особенно при нашей роскошной, праздной жизни, да еще кумыс – и если не дойдет ни до чего, то так и пройдет без следа, но если выскажется, то все эти обрывки мыслей и чувств, соберутся в одно и составит что-то как будто целое, длинное. “Я давно уже любила, или любил”. Сколько раз приходилось это слышать» [Толстой, 1953, с. 377]. Лев Николаевич прав во всем, имея громадный жизненный опыт. Но очень настораживает часто и настойчиво повторяющееся здесь «я», и не очень ясно – о чем печется отец – о грядущих любовных страданиях дочери, или им управляет желание выговориться, проявиться в качестве достойного родителя. Вот из письма, написанного днем ранее: «Прости меня, если я огорчил тебя тем, что я пишу о твоём чувстве. Если ты меня не простишь, то Бог простит меня, потому что я перед ним употреблял все силы, чтобы поступить не для себя, а для него, как нужно и как он хочет. И думаю, что правда не может быть грехом» – и тогда, возможно, письмо не к дочери из заботы о ней, а к богу

из желания показать, что сделано все, что можно. Но, откровенно говоря, наставлений в письмах писателя много, но все дети поступали по своему разумению, чему отец частенько огорчался, но не препятствовал.

Примечательны письма Л.Н. Толстого молодым девушкам и юношам, которые писали ему, видимо, «алчущие и жаждущие» правды, и отчаявшиеся найти ее в книгах или в Церкви. А может быть, и не искавших, не читавших всех тех книг учителей человечества, которые к концу XIX в. уже в изобилии были написаны. Написаны, но не прочитаны, на что и сердится писатель, отвечая на письмо ученицы 6-го класса женской гимназии г. Сарапула М. Донях, которая после прочтения «Крейцеровой сонаты» спрашивает, в чем смысл жизни женщины: «Если хотите что-нибудь знать и не быть такой душой, как весь легион таких же, как вы, самоуверенных и развязных барышень, то прежде всего научитесь понимать свое невежество и стыдиться его, а не задавать, воображая, что это очень мило, вопросы о том, что такое жизнь, а зачем жить мне, такой возвышенной среди всех таких ничтожных людей, окружающих меня» [Толстой, 1956, с. 173]. Письмо не было отправлено, Л.Н. Толстой вместо себя (чувствуя, видимо, свое избыточное раздражение) попросил В.Ф. Булгакова ответить девушке и выслать ей книжки «На каждый день».

И вот одно из последних писем писателя, написанное Неизвестной «Х» 21 октября 1910 г. в ответ на письмо гимназистки 6-го класса Саранской женской гимназии (без подписи), в котором она раздраженно и едко описывала окружение – порядки в гимназии, своих педагогов и соучениц: «Вы осуждаете всех окружающих вас, бессознательно высказывая этим уверенность в вашем превосходстве над всеми и полное самодовольство. Вы желаете быть полезной людям. Но тот, кто желает быть полезным людям, должен прежде всего постараться быть не вредным им. А если вы хорошенько взгляните в себя, то легко увидите, что вам в этом отношении предстоит очень много работы над собой, хотя бы той, чтобы научиться не осуждать людей и любить их» [Толстой, 1958, с. 197]. Л.Н. Толстой как будто бы подытоживает жизненный путь серебряным правилом этики «Не поступайте с другими так, как не хотите, чтобы поступали с вами», которое на деле более надежно, чем золотое. И хотя писатель пишет детям о своей любви к ним, в главном он не видит различий между детьми своими и вообще детьми человеческими – отсылая всех своих адресатов к любви Христа, он отмечает, «чтобы любить людей и быть любимым ими, надо выучиться кротости, смирению и искусству переносить неприятных людей и неприятности, а в случае невозможности не оскорбить никого, уметь выбирать наименьшее огорчение» [Толстой, 1953, с. 118].

Старший современник Л.Н. Толстого Г.С. Аксаков (1820–1891), государственный и общественный деятель, губернатор в Оренбургской, Уфимской и Самарской губерниях, тайный советник, почетный гражданин городов Уфы и Самары, сын писателя С.Т. Аксакова, также радуется нас эпистолярным наследием, и более всего – письмами супруге Софье Александровне. Писал он и детям, всего двое из которых достигли взрослости, Ольга и Сергей. С Сергеем отношения были очень непростыми, тот рано захотел жениться, и, к огорчению семьи, видимо, очень подпал под влияние супруги и тещи.

После смерти жены главным делом Григория Сергеевича было поддержка не просто памяти о супруге, но даже ее присутствия в повседневной жизни, ее нравственного влияния на детей, а также сохранения добрых отношений между братом и сестрой: «Доверяйтесь друг другу; будьте между собою откровенны и, несмотря на разность характеров, впечатлений, взглядов, будьте верны и неизменны любви и долгу, налагаемым на вас еще в сильнейшей степени по близости вашего родства. Вот вам мой завет» (29 февраля 1884 г.) [Аксаков, 2023, с. 9].

Удивительно, но первое же из опубликованных писем – это письмо отца 11-летней девочке, где он просит дать отчет: об оранжерее, о грунтовых сараях, о парниках, о цветниках и розанах, о спарже, о мельнице, о пашне, о церкви (нанят ли каменщик), «тешит ли маму птичий двор», «начали ли делать в огороде насос» и «как ведут себя коровушки» [Аксаков, 2022, с. 30]. Большинство последующих писем также будут посвящены хозяйству – сапогам, маслу, скирдам и т.п.: «Душа моя Оля, спасибо за письма, в них послышалась мне мама.... Таким образом, друг мой, ускорится и твой приезд... Форму на винтах, пергаментную бумагу, а также и то, чем делаются бока куса гладкими, ты, конечно, привезешь или пришлешь товары поездом малой скорости.... Собаки Сережи пали от чумы. Целую тебя, друг мой дочка. Масла твоего недостает для продажи. Сережу моего крепко обнимаю» [Аксаков, 2023, с.67–68]. Часто письма адресованы обоим детям (пока они жили в одном доме), но текст Г.С. Аксаков адресует в основном дочери, а Сережу, в основном, обнимает.

Выше мы отмечали, что Л.Н. Толстой очень много советов дает своим детям, хлопоча, в первую очередь об их душевном и духовном росте, но в целом не препятствует их жизненным решениям; сокрушается, где-то не примиряется, но принимает. Про Г.С. Аксакова такого не получается сказать. Для него, кажется, наивысшей ценностью, была привязанность к семье, не только его собственная, но и детей. В день 28-летия он пишет Ольге: «Поздравляю тебя и себя с мамой со днем твоего рождения, наш милый, любимый друг дочурка, друг уже испытанный, несомненный, но которому еще нужно с своей стороны относительно нас достигать тех же свойств дружбы, которыми отличается наша: полной откровенности и безобидчивости» [Аксаков, 2023, с. 33]. Вправе ли родители требовать от взрослой дочери полной откровенности? Отец в основном ласков с дочерью: «обнимаю и благословляю», «моя Олюся», «милый мой дружок, дочурка моя Олюся», «благословляю дочь, единственное дитя, оставленное мне матерью». Но он никогда не интересуется ее делами, здоровьем, увлечениями, а все только воспитывает и дает наставления.

Следующий наш герой, В.А. Сухомлинский (1918–1970) родился не просто в другом веке (Л.Н. Толстой успел пожить в веке XX), но и совершенно в другой России – в советской. Мы не знаем, смог ли бы крестьянский сын и сельский учитель В.А. Сухомлинский стать прославленным педагогом и писателем в предыдущую эпоху, но судя по четырехмиллионным тиражам его книг на разных языках, его гуманизм и идеи «воспитания красотой» находили отклик у множества людей. В трилогии «Сердце отдаю детям», «Рождение гражданина» и «Письма к сыну» он раскрывает главные принципы своей образовательной концепции, которую его критик, профессор Вологодского пединститута Б.Т. Лихачев клеймит за проповедничество: «вместо конкретной и четкой программы, изложенной в Моральном кодексе строителя коммунизма вводится туманное понятие, именуемое человечностью» [Ячменникова, 2023].

«Письма к сыну» – это 22 письма В.А. Сухомлинского сыну-студенту, человеку, оторвавшемуся от дома и вставшему на путь самостоятельной жизни, и отец не просто надеялся, а был уверен, что письма сыну пригодятся не только в момент прочтения, но и в будущем. Он трогательно пишет о том, что и сам хранит первое письмо своего отца со словами: «Не забывай о том, что пока ты учишься – кто-то трудится, добывая тебе хлеб насущный» [Сухомлинский, 1980, с.632]. И он своему сыну пишет далее: «Сотни тысяч слов в нашем языке, но на первое место я бы поставил три слова: хлеб, труд, народ... Кто не знает, что такое хлеб и труд, перестает быть сыном своего народа. Тот теряет лучшие духовные качества народные, становится отщепенцем, безликим существом, недостойным уважения. Кто забывает, что такое труд, пот и усталость, тот перестает дорожить хлебом. Какой бы из этих трех могучих корней ни был поврежден у человека, он перестает быть настоящим человеком, у него появляется внутри гниль, червоточинка» [Сухомлинский, 1980, с. 632–633]. Интересно, что авторы, которых мы цитировали выше – Владимир Мономах, С.Р. Воронцов, Л.Н. Толстой, Г.С. Аксаков – были знатного происхождения,

и они все, несомненно, были тружениками, каждый на своем поприще, но пропагандируют они, в первую очередь, ценности образования, чести, духовной чистоты, служения другим людям, государству, богу. В.А. Сухомлинский в своих письмах как бриллиант, ограняет ценность труда: «Лишь тем человек будет дорожить всю свою жизнь, что дорого ему досталось ... К сожалению, кое-кто верит, что радость нашей жизни, счастье бытия в социалистическом обществе можно открыть перед сознанием и сердцем юношества, только давая как можно больше материальных благ.... У юношей и девушек воспитываются многие потребности, но, к сожалению, очень плохо воспитывается важнейшая из них – коммунистическая потребность в труде. Да, именно коммунистическая потребность. Я думаю, что это – глубоко личное, душевное тяготение к труду для людей. Такое состояние души, когда человек не смог бы жить без труда для общества, народа. Труд станет потребностью лишь тогда, когда перед человеком откроется радость труда...» [Сухомлинский, 1980, с. 653]. Отец пишет сыну о дружбе и любви, о красоте, о комсомольской жизни, о правильном распределении времени – как он сам отмечает «целые трактаты», которые сыном обсуждаются с ребятами в общепитии. Советы, полезные и сегодня. Не соглашусь с В.А. Сухомлинским в одном – он пишет о том, что ненависти нужно учить, как и добру. Ненависть неутолима, она легко перебрасывается с объекта на объект, недаром есть поговорка «От любви до ненависти – один шаг», а вот в обратную сторону нет поговорки... Не нужно этому учить. А вот что поддержать можно с особой силой – мысль педагога о том, что «наиболее серьезный недостаток, который допускается в воспитании молодого поколения, это ... забвение того, что сегодняшняя ребенок завтра станет взрослым человеком. У многих родителей, да и у педагогов такой подход к детям, как будто они вечно останутся детьми» [Сухомлинский, 1980, с. 672]. Через метафору сына-студента В.А. Сухомлинский обращается ко всем молодым людям, но и к взрослым тоже – тем, кто воспитывает детей и подростков, а возможно, готов провести работу над ошибками в сопровождении такой вот антропологической навигации.

Письма всем известного отца Евгения Леонова адресованы всем известному сыну Андрею Леонову – сначала школьнику, затем студенту, артисту, солдату; его же введением, полным нежности и любви они и предваряются. Актер рассказывает о своих актерских буднях, происшествиях, разговорах с коллегами, о маме, о недополученной (как казалось) любви, спектаклях и режиссерах, эстетической ценности и популярности, обидах и жестокости – обо всем том, о чем можно было бы и поговорить, не будь так много разъездов: «был бы Андрей со мной, спустились бы мы к воде, сели рядом и так помолчали бы вместе» [Леонов, 2021, с. 23]. Хочется заметить, что это единственный из всех наших авторов, у кого есть чувство юмора, как будто бы для всех дело воспитания детей уж очень серьезное, не сказать – суровое, он пишет, например: «Я сам тоже люблю побеситься, как тебе известно, ведь на даче мальчишки и теперь еще принимают меня в футбол, на воротах постоять...» [Леонов, 2021, с. 22], но в целом все вопросы серьезные: «Как видишь, дружочек, у нас с тобой проблемы общие: как быть? кем быть? быть или не быть? Никуда от них не скроешься, для людей искусства они неизбывны, в любом возрасте, каждый час жизни» [Леонов, 2021, с. 21]. И здесь то, что перекликается с идеей В.А. Сухомлинского о том, что в каждом ребенке нужно видеть будущего взрослого, уже школьнику Леонов пишет: «Если решил работать в искусстве, думай о себе строже – всегда ли ты щедр душой, отважен, бескорыстен. И эта работа над собой пусть всегда идет впереди мастерства. Актерскую методологию, опыт можно постичь, а делать из себя человека – это работа не на годы учебы в училище, это на всю твою жизнь» [Леонов, 2021, с. 24]. А вот здесь, то, что ближе мне, но немного дальше от Сухомлинского: «Говорят, что в детях надо воспитывать доверие к жизни. А к встрече со злом, если ты уверен, что в жизни ему это придется испытать, тоже надо готовить? Вот чего не знаю, того не знаю. И все же специально готовиться к встрече со злом, по-моему, неверно. Я так никогда не делал, никого к этому не готовил, тем более тебя» [Леонов, 2021, с. 45].

В XXI веке человек вновь занят поисками своего места в мироздании, а значит – выживанием в условиях конкуренции. И «зеркалами» самоопределения поочередно выбираются или машинные характеристики – (сегодня очень распространены, например, дискуссии о преимуществах, недостатках и угрозах искусственного интеллекта). Другой «камертон» в дискурсе о человеческом – мир животных, частью которого человек, действительно, является, но как будто даже проигрывает. В частности, типичные реактивные паттерны «бей, беги, замри» охотно используются для объяснения именно человеческого поведения. Несомненно, что Другой необходим для самоопределения, обретения точки опоры в самом себе. Но не случились ли в нашем веке деантропологизация Другого? Вы скажете, может быть: «что за странный переход от переписки, писем, поучений давно ушедших отцов своим детям?». Каждое из этих писем – уже произведение искусства, они самодостаточны и приятны для чтения любым человеком. Они написаны не просто для своих детей, а словно в вечность, воплощая кантовский категорический императив. Даже Владимиром Мономахом, еще не представлявшим технологических возможностей тиражирования текстов и вряд ли предполагавшим такое распространение своего послания в века. Но оно состоялось – сохранение и продолжение собственного Я в Другом, который не просто человек, а человек юный, сын, дочь, другие дети и молодые люди. На наш взгляд сегодня произошла подмена цели (человек) средством (технологией). Мы не можем гарантировать, что именно эпистолярные жанры служат сохранению духовного родства поколений. Но попробовать-то мы можем.

Список источников

- Почтение Владимира Мономаха. 1969. В кн.: Хрестоматия по древнерусской литературе. М.: Высшая школа: 33–38.
- Аксаков Г.С. 2023. Переписка с родными. Часть III. Переписка Г.А. Аксакова с дочерью, сыном и родственниками (1859–1891). Биограф. материалы о Г.С. Аксакове. Уфа: Инеш: 380 с.
- Десницкий А.С. 2013. Письма спящему брату. URL: <https://azbyka.ru/fiction/pisma-spyashhemu-bratu/> (дата обращения: 29.07.2025).
- Джурицкий А.Н. 1999. История педагогики. Учеб. пособие для студ. педвузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: 432 с.
- Кронгауз М.А. 2012. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель: CORPUS: 512 с
- Леонов Е.П. 2021. Письма сыну. М.: «Издательство АСТ»: 142 с. (Зеркало памяти).
- Напутственное письмо С.Р. Воронцова при отъезде его сына Михаила в Россию 3 мая (21 апреля) 1801 г. 2015. В кн.: Микешин М. И. Дворянство: от истории к метафизике. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; ИПЦ «Политехника сервис»: 165–169.
- Толстой Л.Н. 1934. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 63. Серия 3. Письма. М.: Издательство «Художественная литература»: 524 с.
- Толстой Л.Н. 1953. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 64. Серия 3. Письма. М.: Издательство «Художественная литература»: 398 с.
- Толстой Л.Н. 1956. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 82. Серия 3. Письма. М.: Издательство «Художественная литература»: 338 с.
- Толстой Л.Н. 1958. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 90. Серия 3. Письма. Москва: Издательство «Художественная литература»: 478 с.
- Сухомлинский В.А. 1980. Письма к сыну. В кн.: Избранные произведения в 5 т. Т. 3. Киев: «Родяньска школа»: 631–708.
- Ячменникова П. 2023. «Если учат добру, в результате будет добро». Как Василий Сухомлинский определил и опередил советскую педагогику. Коммерсантъ. 30.09.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6239871> (дата обращения: 26.07.2025).

Список литературы

- Анкерсмит Ф.Р. 2009. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация»: 400 с. (Ankersmit F.R. 1994. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor. University of Kalifornia Press. 256 p.).

- Дмитрийчук А.Ю. 2018. Образ семьи в европейской и российской культурной традиции: философско-антропологический анализ. Автореф. дисс... канд. филос. наук. Белгород: 24 с.
- Микешин М.И. 2023. Как быть в России «человеком чести». *Философические письма. Русско-европейский диалог*, 6 (3): 159–170. DOI:10.17323/2658-5413-2023-6-3-159-170.
- Ростова Н.Н. 2020. Антропологический поворот в философии: антропология vs онтологию *Вестник Томского государственного университета*. 456: 93–98.
- Рябов О.В. 2001. Идея женственности России в сочинениях В. С. Соловьева и поиски национальной идентичности в отечественной историософии. *Соловьевские исследования*. 2 (2): 216–229.
- Тищенко Н.В. 2016. Применение нарративного анализа в исследованиях культуры: Pro et contra. *Общество: философия, история, культура*. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-narrativnogo-analiza-v-issledovaniyah-kultury-pro-et-contra> (дата обращения: 25.07.2025).
- Шкуратов В.А. 1997. Историческая психология. М.: Смысл: 502 с.

References

- Ankersmit F.R. 2009. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Moscow, Publ. «Kanon +» ROOI «Reabilitatsiya»: 400 p. (Ankersmit F.R. 1994. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor. University of Kalifornia Press. 256 p.).
- Dmitriichuk A.Yu. 2018. Obraz sem'i v evropeiskoi i rossiiskoi kul'turnoi traditsii: filosofsko-antropologicheskii analiz [The Image of the Family in the European and Russian Cultural Tradition: A Philosophical and Anthropological Analysis]. Abstract. diss... cand. filos. sciences. Belgorod. 24 p.
- Mikeshin M.I. 2023. Kak byt' v Rossii «chelovekom chesti» [How to be a «man of honor» in Russia]. In: *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog [Philosophical letters. Russian-European dialogue]*, 6 (3): 159–170. DOI:10.17323/2658-5413-2023-6-3-159-170/
- Rostova N.N. 2020. Antropologicheskii povorot v filosofii: antropologiya vs ontologiya [The Anthropological Turn in Philosophy: Anthropology vs. Ontology]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 456: 93–98. DOI: 10.17223/15617793/456/10
- Ryabov O. V.2001. Ideya zhenstvennosti Rossii v sochineniyakh V. S. Solov'eva i poiski natsional'noi identichnosti v otechestvennoi istoriosofii [The idea of femininity of Russia in the works of V. S. Solovyov and the search for national identity in Russian historiosophy]. In: *Solov'evskie issledovaniya*. 2 (2): 216–229.
- Tishchenko N.V. 2016. Primenenie narrativnogo analiza v issledovaniyakh kul'tury: Pro et contra. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-narrativnogo-analiza-v-issledovaniyah-kultury-pro-et-contra> (accessed: 25.07.2025).
- Shkuratov V.A. 1997. Istoricheskaya psikhologiya [Historical Psychology]. Moscow, Publ. Smysl: 502 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 04.03.2025

Поступила после рецензирования 04.06.2025

Принята к публикации 28.02.2026

Received March 04, 2025

Revised June 04, 2025

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии, музеологии и искусствоведения, Самарский государственный институт культуры, г. Самара, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Bakshutova, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Cultural, Museum and Art Studies, Samara State Institute of Culture, Samara, Russia.